

Глава 2

Друзья, враги и пауки

В здание гарнизона люди возвращались подавленные и хмурые. Звери, рыча, затолкали всех внутрь и захлопнули дверь.

— Ну вот, еще и прогулки лишились, — проворчал одноглазый февр.

— Ох, лучше помолчите, Вутсон! — в сердцах воскликнула Эмилия Сентвер. — Мне стыдно, что я знаю вас! Кидать камни в безоружную девушку! Нападать толпой! Какой стыд...

— Из-за этой девки я лишился глаза! — заорал парень. Его лицо покраснело и стало выглядеть совсем неприятно. — Мы потеряли друзей и братьев! Едва живы остались! Мы потеряли Двериндариум!

— А вместе с ним — нашу честь. — Эмилия отвернулась. — Вы — легионер, Вутсон. Все мы — легионеры. Кажется, нападение чудовищ лишило кого-то разума! И человечности.

Поджав губы, она гордо удалилась на женскую половину длинного помещения.

Оскорбленный Вутсон оглянулся в поисках поддержки, но люди тихо разошлись. Тогда он повернулся к той, что первой кинула камень, но высокомерный северянин властно сжал плечо сестры и повел ее в тесную уборную — поговорить наедине можно было лишь там. Когда тяжелая дверь захлопнулась, Рейна вывернулась из хватки брата, отошла к ряду каменных

умывальников, вздернула подбородок и сложила на груди руки, всем своим видом демонстрируя непокорность.

— Ты меня расстраиваешь, сестра, — негромко сказал Киар. Рейна задрала подбородок еще выше.

— И что? Я расстраиваю тебя с тех пор, как мы приехали на этот клятый остров! И каждый раз, когда я приближаюсь к этой клятой твари!

— Рейна.

Киар не повысил голос, но девушка ощутила холодок, пробежавший по спине.

— Ты ведешь себя отвратительно. И глупо. Ты забыла, чему нас учили в Ледяной цитадели? Разум всегда главнее чувств. Врагов надо знать лучше, чем друзей. А чужие знания обращать в свою силу.

Киар отошел к маленькому оконцу, за которым был виден тот самый тренировочный двор.

— Ты позволяешь эмоциям управлять твоими поступками, и это делает тебя слабой. Нас обоих. Вивьен нужна нам. Она сейчас единственное связующее звено. Она нам поможет.

— А может, она нужна не нам, а тебе? — прошипела Рейна, прищурившись. — Не заговаривай мне зубы, брат! Она тебе нравится. С первого взгляда! Я ощутила это, почувствовала! Я видела ваш поцелуй! Она нравится тебе настолько, что ты закрываешь глаза на ее преступление! Это отвратительно. И кто из нас идет на поводу у чувств? Мною управляет ненависть, а что движет тобой, мой снежный лорд?

Рейна сделала шаг к брату, сжимая кулаки. Киар не отвечал, и от этого глаза Рейны стали темно-багровыми, страшными.

— Скажи, что я неправа! Скажи!

— Тебя поглотила злость. — Бесцветный раздраженно тряхнул головой, отбрасывая за спину волну белоснежных волос. Даже в столь стесненных условиях и без рубиновых украшений он выглядел безупречно. — Это опасный путь, сестра.

Рейна рассмеялась. И насмешливо повела рукой.

— О, Свирепая Вьюга и муж ее Сумрак! О чем ты, брат? Посмотри, где мы! Мы разговариваем в грязной уборной, рядом с чужими испражнениями! Опасный путь? Да мы в полном дерьме, брат! Наследник Колючего Архипелага вынужден делить одну комнату с безродными чужаками! Ниже падать некуда!

— Довольно, — тихо сказал Киар. — Спесь и злоба — плохие друзья, Рейна. Я расстроен. По твоим делам судят обо мне. По моим делам будут судить север. Ты недостойная дочь Вьюги.

От спокойных слов Рейна побледнела еще сильнее, став воплощением ледяной статуи. Снова сжала кулаки. И разжала беспомощно. Шагнула ближе, заглядывая в алые глаза Киара.

— Недостойная дочь? И плохая сестра, ведь так? Плохая, потому что не могу молчать, видя, что теряю тебя! Киар! Мы ведь всегда были вместе! Мы были единым целым, и лишь по недосмотру Вьюги родились в разных телах. Вместе! С первого вздоха, с первого крика! Спина к спине. Ты помнишь? Две льдинки в одной ладони, два луча на одной снежинке, два белых волка в Ледяной пустоши... А сейчас? Я теряю тебя. Твои мысли стали иными, я не понимаю их... Мы были отражениями друг друга! Я — твое. А ты — мое. Я смотрелась в тебя словно в лед на Скале Памяти. А сейчас осталась одна.

Рейна невольно коснулась зигзагообразного шрама на своей щеке. Сжала губы и отдернула руку.

— Теперь я одна. И я больше не твое отражение, брат.

Киар несколько мгновений смотрел на ту, с которой разделил утробу матери и жизнь от рождения до этого дня. А потом открыл кран, пуская воду.

— Дай мне осколок, который прячешь в сапоге, Рейна. Девушка нахмурилась, не понимая. Вздрогнула.

— Нет! Я не хочу! Не смей!

— Ты не можешь мне приказывать, — губы Киара изогнулись в легкой улыбке. — Я твой лорд. И я старше.

— На девять минут, — прошептала бесцветная, доставая осколок стекла и протягивая брату. Снова вздрогнула, когда их пальцы соприкоснулись.

— На вечность, — спокойно сказал Киар.

Потом отвернулся к зеркалу и поднес осколок к лицу.

Мор топал сзади, царапая когтями каменный пол Вестхольда, шумно выдыхая в мой затылок и едва не бодая головой. Что говорило о чрезвычайной раздраженности хриава, потому что когда хотел, он шел совершенно бесшумно.

Не выдержав, я обернулась.

— Ну не злись, — виновато посмотрела в налитые яростью звериные глаза. Виноватой я себя не чувствовала, по крайней мере за сегодняшнюю выходку. Но Мору об этом знать не обязательно.

Зверь осуждающе рыкнул. Удивительно, но привыкнув к чудовищу, я стала видеть в нем человеческие черты. Узнавать их. Даже в шкуре Мор остался таким же бесхитростным и предсказуемым, каким был в нашем уютном прошлом. От него точно можно не ждать удара в спину или подлости, на любое оскорбление Мор сразу отвечал ударом кулака в нос, но обдурить его было проще простого. Это знали все девчонки приюта. Мор не выносил девчоночьих слез и готов был на все, чтобы их избежать. Я никогда не плакала, но в детстве успешно изображала готовность зарыдать, если того требовали обстоятельства.

Ржавчина и Мор составляли странный тандем, а их дружба удивляла многих. Первый даже в семь лет был мастером интриг и пакостей, а второй отличался преданностью и острым чувством справедливости. Благодаря рыжему провокатору друзья ежедневно влипали в неприятности, и Мор стойчески выносил наказания, которые им щедро отвешивали наставники. Правда, потом бил Ржавчину в нос. Тот не обижался.

А теперь оба они — чудовища.

Зверь тихо зарычал, облизнул клыки. И снова шумно втянул воздух. Его голодный взгляд прилип к моей треснувшей губе и рукам, измазанным кровью. Снова жадно облизнувшись, хриав придвинулся, низко зарычал.

По моей спине прошел холодок страха.

— Мор, эй, ты что? Это все еще ты? Мор?

Зверь оскалился, тряхнул головой и, резко отпрянув, прижался к стене. Сейчас, мотая башкой и фыркая, он напоминал огромную собаку. Я торопливо стерла с губы кровь, глянула на руки, покрытые ссадинами. И снова на рогатое чудовище.

— Ржавчина запретил пробовать мою кровь. Ты ведь помнишь об этом?

Зверь кивнул и отодвинулся еще дальше, в угол.

Запрет Ржавый Король озвучил в тот день, когда был взят Двериндариум. И это понятно. Любое чудовище быстрее, страшнее и смертоноснее, чем человек. До прибытия на остров Великого Приора Ржавый Король должен сохранять здесь власть и преобладание силы. Потому что бывших приютских крысят одолеет любой февр, даже без оружия. Конечно, Ржавчина этого не допустит.

Мор тяжело выдохнул, высунув язык. Поднялся. Похоже, человек в нем снова одержал победу.

Я показала ободранные ладони.

— Мне надо в лекарское крыло, руки перевязать. Проводишь или мне можно сходить одной?

Мор фыркнул, и когда я двинулась к лестницам, потащился следом. Ну кто бы сомневался! А я порадовалась, что нашла повод навестить врачей.

За прошедшие дни я исходила замок вдоль и поперек, без конца придумывая поводы «прогуляться». Я даже спускалась в подземелье, несмотря на недовольное ворчание Мора! Но того, кого надеялась увидеть в коридорах Вестхольда, так и не встретила.

Нигде.

И это приводило меня в отчаяние.

Сейчас я шла, осматривая то, во что превратился Вестхолд. Совсем недавно сиявший чистой замком сейчас стал грязным и мрачным. По нижнему этажу гуляли все ветры зимы, потому что половину стекол разбили. Красивые полы из наборного паркета удручали мусором, выбоинами и трещинами, мебель в общих залах моментально пришла в негодность, из старинных кресел торчала ватная набивка, о красное дерево узорчатых панелей кто-то поточил когти! Мне, выросшей в нищете, было невыносимо смотреть, во что превратились парчовые занавеси, дорогая мебель, изящные декоративные фонтанчики в коридорах и пейзажи, некогда украшавшие стены. Все это испортили клыками, когтями, шипами и крюками. Изодрали и разломали! И от этого тоже было больно. Впрочем, с болью я уже срослась.

Дивная лестница, ведущая из главного зала на второй этаж, зияла глубокими царапинами и была изгваздана когтями грязи. Звери не церемонились и не жалели Вестхолд. Эфримы влетали в разбитые окна и качались на хрустальных люстрах, пока те не падали с грохотом. Агроморфы катались на изысканных коврах, сбивая снег со шкуры. Хриавы точили рога и когти об антикварные шкафы, а бесхи и крофты драли диваны, вытаскивали обивку, а потом устраивались в углублениях, словно в мягких норах. Прислужники, раньше наводившие здесь порядок, теперь боялись даже приближаться к ступеням замка.

Всего за несколько дней изысканные интерьеры, так восхищавшие меня, превратились в свалку. Я сжала кулаки, вгоняя ногти в израненные ладони. Боль и сожаление сменились злостью. Да какого склизза!

Кипя от негодования, я ускорила шаг и вздохнула спокойнее лишь в лекарском крыле. Здесь хотя бы было чисто! Чудовища обходили это крыло десятой дорогой, а врачеватели быстро смекнули, что зверей отпугивает запах спиртовых настоек и едких мазей, чем и пользовались.

Вот и Мор за моей спиной издал жалобный рык, стоило ему почуять едкий «аромат» лекарств. Я же ощутила почти счастье, когда навстречу вышла миниатюрная леди Куартис.

— Госпожа Левингстон? — женщина приподняла изящно очерченные брови. Сегодня она вновь была безупречна и собрана, фиолетовое платье с белым воротничком и накрахмаленным лекарским передником подчеркивало тонкую фигуру и осанку леди. — Вы меня напугали. Ох! Простите, я слегка забылась... Госпожа Вивьен Джой.

Я откинула на спину свою растрепанную косу и посмотрела леди в глаза. «Забылась», как же! Вот уж не думаю, что знаменитая леди Куартис, эталон изысканности и учтивости, а также один из самых цепких умов империи, способна забыть мое новое имя! Скорее, это просто способ поставить выскочку на место.

Я выпрямила спину, пытаюсь в своем грязном платье выглядеть хоть немного респектабельнее и увереннее. Брови леди приподнялись чуть выше.

— Я могу вам помочь, госпожа Джой?

— Мои руки, — я показала ладони. — Им нужны бинты и немного заживляющей мази.

Врачевательница глянула на мои ссадины. Потом на меня. И на Мора, недовольно сопящего за моей спиной.

— Идемте.

Она повернулась к дверям лекарской. Мор двинулся следом, недовольно втягивая запахи настоек и эликсиров и раздраженно отбивая хвостами свои бока. Насколько я помнила, мой давний друг до одури боялся лекарственных.

— О нет! — воскликнула леди Куартис, когда хриав попытался втиснуться в двери. — Даже не думайте войти! Ваша шерсть — это жуткий рассадник заразы! Только после ванны с обеззараживающим раствором!

Хриав зарычал, показывая клыки, но леди даже с места не сдвинулась.

— Я впущу вас в подобном виде только после личного распоряжения нашего Ржавого величества! — сказала леди Куартис. Ее лицо выражало почтение, но я была уверена, что женщина насмехается. Зверь это тоже понял и зарычал.

— Мор, подожди снаружи, пожалуйста, — вздохнула я. — Прошу тебя! Я никуда отсюда не денусь. К тому же мне надо спросить у леди кое-что... по женской части. Ты меня понимаешь?

Хриав моргнул, и на его морде возникло такое ошарашенное выражение, что я тоже едва не фыркнула. Мор попятился назад в коридор. Леди Куартис захлопнула дверь и указала мне на кушетку возле дальней стены.

Пока я устраивалась, она вытащила несколько пузырьков.

— Вы хотели о чем-то поговорить, госпожа Джой? Ваши ссадины не смертельны, а вы не из тех, кто боится ссадин. Вряд ли вам действительно нужна моя помощь.

Я приложила палец к губам.

— Говорите тише. У зверей отличный слух. — Я поерзала на кушетке, не зная, с чего начать. И решила: без церемоний. — Вы ничего не слышали о... нем?

Леди покачала головой, в ее глазах мелькнула жалость. Я задавала этот вопрос уже не первый раз. Промокнув мои ладони, она наложила мазь и забинтовала. Нахмурилась, словно размышляя. Вздохнула.

— Вы плохо выглядите, Вивьен. У вас расширенные зрачки, слишком частое сердцебиение и дыхание. У вас истощение, панические атаки и опасный уровень активных настоек в крови. Вы ведь что-то принимаете, не так ли? Что-то бодрящее. Вам надо прекратить это делать и выспаться. И, возможно... поплакать. Вашему организму это жизненно необходимо. И вашей душе — тоже.

Я выдернула руку из ладони леди Куартис.

— Я не просила рассматривать меня изнутри.

— Простите. Это происходит без моего желания. Даже закрытый браслет не в силах заблокировать мой Дар.

Леди сухо улыбнулась.

— Так зачем вы пришли?

— Я ищу своих друзей. Ринга и Ливентию.

Я рассказала, что незадолго до нападения моего друга забрали феэры, и леди встревожилась.

— Его наверняка поместили в Звонкую Башню, ту, на которой расположен сигнальный горн! Но стену башни разрушили во время битвы. Раненых доставили сюда, но Ринга среди них нет.

— Вы уверены?

— Этого парня трудно перепутать с кем-то другим. У него весьма внушительные габариты!

Я потеряла ноющие виски. И подумала, что мне нужна еще одна бутылка бодрящей настойки. Главное — чтобы у нее не было кофейного запаха... Где же Ринг? Неужели и его мне придется причислить к тем, кого я потеряла?

Моргнула несколько раз, возвращая зрению четкость.

— А Ливентия? Я знаю, она у вас.

— Госпожа Осхар еще не пришла в себя, — быстро произнесла врачевательница.

Я встала.

— Проводите меня к ней.

— Опасно тревожить легионера, не слившегося с Даром! Вы прекрасно это знаете. Хотите подвергнуть риску и эту ни в чем не повинную девушку? Может, довольно, госпожа Джой?

Я поморщилась.

— Если вы ищете в моих глазах груз вины, то посмотрите в зеркало, леди Куартис. Ведь вы виновны не меньше меня.

Врачевательница пошатнулась, схватилась за спинку кресла.

— Я согласилась на предложение Совета лишь для того, чтобы иметь возможность помогать... помогать всем этим детям... Я искала способ вернуть их, сохранить человечность! Я искала способ! Годами! Отказалась от назначения в столицу, лишь бы... Но...

— Но наших благих намерений оказалось недостаточно, — тихо завершила я. — А теперь отведите меня к Ливентии.

Божественный Привратник! Я ничего ей не сделаю, я лишь хочу узнать, что с ней все в порядке!

Леди снова нахмурилась, нервно сжала край своего накрахмаленного передника.

— Странно, но я вам верю. Я не могу заглянуть в вашу душу, но ваше тело... Оно просто кричит от боли. О тщательно скрываемой, но почти невыносимой боли... Вы казните себя сильнее, чем могли бы сделать другие люди. Да, я вам верю, Вивьен. Идите за мной, вы все увидите сами.

Врачевательница быстро пересекла комнату и потянула за виток настенной лампы. Стенная панель отъехала, за ней оказался проход.

Пройдя узким внутренним коридором, мы оказались в потайной комнате. Занавеси были опущены, а единственная лампа на комодке давала мягкий рассеянный свет. На бархатном покрывале спиной ко мне лежала девушка, одетая в светлую ночную сорочку. Кажется, она спала.

Я оглянулась на застывшую в дверях врачевательницу и осторожно двинулась вперед.

— Ливентия?

Фигура пошевелилась, приподнялась. На миг мне стало страшно. Почудилось, что девушка сейчас обернется, и я увижу... что? Еще одно чудовище? Сердце подпрыгнуло в груди.

Девушка села на кровати.

И на меня уставились знакомые черные глаза разозленной южанки! Это невероятно, но кажется, она стала еще красивее! Взъерошенные волосы потоками черной лавы стекали на точечные плечи и спину, глаза сияли звездами, а яркие губы кривились от негодования. Сорочка сползла, обнажая верх груди и плечо Ливентии. Под левой ключицей красовался знак Мертвомира, принявший образ черной лилии.

— Во имя Плодовитой Матери! — воскликнула Ливентия, сонно моргая. — Неужели нельзя оставить меня в покое! Я хочу спать! Выйди вон и закрой дверь!

Мои ноги сами собой сделали разворот и вынесли меня из комнаты. Рука поднялась и закрыла створку. Некоторое время я ошарашенно на нее таращилась, пытаюсь осознать, что произошло. Посмотрела на свои ноги-предатели, потом на руку, которая пару мгновений мне не принадлежала. А потом развернулась к насмешливо улыбающейся леди Куартис.

— Что это было?

— Очень редкий Дар. И очень ценный. Им обладал один из легионеров-завоевателей, Люциус Смертьнесущий. Впоследствии он стал императором. В хрониках такой Дар зовется призывом или гласом Сирениты. Вы ведь слышали сказание о существе с волшебным голосом? Проще говоря, приказам Ливентии теперь невозможно сопротивляться.

Я открыла рот, желая спросить: какого склирза! Какого склирза мне досталась отравленная кровь, а девушке, которая и так не знала ни в чем отказа, — Дар подчинять любого смертного своим голосом! Нет, это как минимум гадко!

— К сожалению, госпожа Осхар не отличается кротким нравом. — Леди с улыбкой поправила фартук и тут же стала серьезной. — Слияние с Даром причинило ей немало боли. Я даю Ливентии сильные успокоительные настойки, поэтому она пока не осознает реальности. Думаю, она вас даже не узнала, Вивьен.

— И на ней нет браслета, — вспомнила я пустые запястья южанки.

Врачевательница кивнула.

— Да. Запирающие браслеты хранятся в кабинете Верховного февра. Я не знала, как проникнуть туда. Или как попросить браслет, не вызвав подозрения.

— Кто еще знает?

— Пока никто. Ливентия очнулась два дня назад, но все еще не до конца пришла в себя. Я спрятала ее здесь и никого к ней не пускала. Госпожа Осхар пока не понимает, какой силой теперь обладает. Но ее состояние улучшается с каждым

часом, у Ливентии сильный и молодой организм. Думаю, к утру она придет в себя окончательно.

Я кивнула и снова посмотрела на закрытую створку. Кажется, люди на этом острове получили неожиданный подарок! Одна проблема: достался он взбалмошной и капризной южанке, с которой и в лучшее-то время было сложно договориться! А что будет теперь?

Я задумчиво почесала макушку, вытащила из волос веточку и сухой лист, вздохнула.

— Я загляну к вам завтра, леди Куартис. Если Ливентия придет в себя, постарайтесь ей... все объяснить.

Врачевательница кивнула. Мы вернулись в ее комнату, и, подумав, леди протянула мне маленький пузырек.

— Вам надо поспать, Вивьен. Это вам поможет. Прошу, возьмите.

Я пожала плечами и опустила склянку в карман платья.

— И... ради всех святых — поешьте!

Снова кивнув, я вышла в коридор. Мор точил рога о деревянную панель и, увидев меня, издал недовольный рык.

— Ничего не долго, не ври, — буркнула я, направляясь к лестнице. В животе заурчало, и я решила, что стоит последовать совету леди Куартис. Дар Ливентии внушил мне надежду и несколько приободрил. Главное — придумать, как его грамотно и осторожно использовать. И Двудликий Змей! Куда подевался Ринг?

И... Кристиан.

Имя отозвалось внутри болью. Я гнала от себя это имя, понимая, что могу сломаться, если впущу его. Имя стало обоюдоострым клинком, раз за разом проворачивающимся внутри меня. Я не понимала, куда делся Крис. Я отказывалась верить в его смерть.

Я не знала, во что теперь верить.

Голову сдавило стальным ободом, меня затошнило. Есть перехотелось. Но мы уже достигли кухонь, так что я решила все же взять хоть кусок хлеба.

Огромное помещение, в котором раньше готовились вкусные кушанья и бурлила жизнь, сейчас пустовало. Лишь на одном очаге кипел небольшой котел. Рядом стояла девушка в платье прислужницы и помешивала ароматный бульон. Мор, увидев ее, неожиданно попятился, а потом и вовсе сбежал. Проводив его удивленным взглядом, я вошла в кухню. Услышав шаги, девушка обернулась, и я вскрикнула:

— Китти! Ты здесь! И ты все еще человек?

Она торопливо вытерла руки и радостно мне улыбнулась.

— Дождь!

— Не зови меня так. — Я прислонилась к краю стола. — Это имя осталось в прошлом. В приюте.

Китти понимающе улыбнулась. В детстве она была большеглазой и застенчивой девочкой, которую дразнили из-за хромоты и кроткого нрава. Разговаривала она редко, предпочитая возиться с какими-то корешками и веточками, которые собирала на улице. Сейчас на меня смотрела девушка, и довольно привлекательная. Хотя она по-прежнему была худенькой и невысокой. Карие глаза Китти сверкали лукавством, а короткие, неровно обрезанные волосы были аккуратно перевязаны лентой. Платье — явно позаимствованное в одной из комнат — мешком висело на тонкой фигурке, но выглядело чистым. На шее болталась все та же железная крышечка на веревке. Правда, когда Китти сделала шаг, я увидела, что обуви на ней нет.

— Но как тебе удалось остаться человеком? — снова изумилась я. — Ржавчине моей крови хватает лишь на пару дней, а потом он снова обращается в эфрима!

— Леди говорит, все дело в этой... аг... агр... ну как же ее!

— Агрессии?

— Да. И еще — страхе. Это... необходимость... защищаться. Или защищать. Быть сильным. Сильнее... человека.

Я стянула из корзины на столе сухарь и сунула его в рот. Подержала, чтобы хоть немного размягчить, прожевала. Живот отозвался ворчанием.

— Мне все еще трудно... говорить. Я забыла почти все... слова. — Китти сдула со лба темную прядь и весело рассмеялась. — А некоторых я и не знала! Но леди меня учит. Понемногу. И наблюдает. Она говорит, что надо изучить этот фено...

— Феномен?

— Точно!

— Выходит, чем больше в организме агрессии или необходимости защищаться, тем быстрее заканчивается действие моей крови? А ты и в детстве была спокойной и доброжелательной, редко на кого-то злилась. Поэтому ты до сих пор человек?

Китти радостно кивнула.

— И давно ты общаешься с леди Куартис?

— Так с того самого дня, — простодушно улыбнулась девушка. — Когда я очнулась, то могла только мычать и... ничегошеньки не понимала! А еще вернулась моя хромота, а я ведь успела... забыть о ней. Я шла, падала, потом снова шла. А потом меня увидела леди и отвела в свою комнату, дала одежду... и еду.

Бульон в котле закипел, и Китти бросилась к нему, кинула в воду нарезанную морковь. Я сглотнула, когда по кухне поплыл аромат овощного супа.

— Что ты готовишь?

— Агроморфы питаются... сырой рыбой. Но я больше никогда не возьму в рот то, что плавало или дышало! Ни за что! Здесь только фасоль, пшеничные зерна и... овощи, я нашла их в подполе. Будешь?

Еще как! Китти разлила суп по тарелкам и осторожно поставила одну передо мной. Я вытащила еще один сухарь и принялась за еду. Звери ели сырое мясо или рыбу, а мне Ржавчина приносил обжаренные на углях куски, от которых меня тошнило. Но так как аппетита у меня все равно не было, я не жаловалась.

А вот сейчас, наворачивая простой, но вкусный суп, поняла, насколько проголодалась. Проглотив несколько ложек, подняла голову.

— Да у тебя талант! Это невероятно вкусно!

— Леди тоже так говорит. Но, я думаю, это больше заслуга тарелок, улучшающих вкус. — Довольная девушка слегка покраснела. — Леди разрешает мне готовить для раненых. Или помогать, когда готовят другие врачеватели. И еще у меня есть комната, тут рядом. И одеяло с подушкой. И платье. Это немного... странно. Мне слегка неудобно в одежде, но я почти привыкла. Только вот обувь раздражает. Как только надеваю... так сразу чувствую приближение той самой агр... агрессии! Она жесткая, и еще шнурки! Кошмар! Так что лучше пока босиком!

— Я так рада за тебя. Скажи, Китти, ты не встречала в замке крупного темноволосого парня? Ростом почти как... эфрим! Или... парня с глазами, словно бирюза?

Китти покачала головой, и я огорченно вздохнула. Доела суп, подумала и вымакала остатками сухаря последние капли.

— Сюда приходит только Айрон, ему тоже нравится мой суп. Других парней я не видела, но... я заметила кое-что странное... Хочешь посмотреть?

Она вскочила и, хромая, бросилась к темному углу, где стояли ящики с песком. В таких обычно хранят корнеплоды. Присев возле стены, Китти протянула руку.

— Вот, посмотри.

Я опустилась рядом. Некоторое время я таращилась на стену, не понимая, на что смотреть.

— Но здесь ничего нет! Только паутина! Обычный паук крестолап, помнишь, как нас пугали ими мальчишки?

— Конечно помню! Я их ужасно боялась! Пауков. Ну и мальчишек... немножко. Но разве ты не замечаешь... странности? — Китти снова сдула с лица челку и ткнула меня в бок. — Ну же, Вивьен, посмотри! Конечно, я много лет провела в Мертвомире, но... с каких это пор пауки плетут ТАКУЮ паутину?

Я снова уставилась в угол. И ахнула. Вместо привычной колесообразной сети серые крестопалпы выплетали нечто невероятное. Паутина раскинулась диковинной восьмилучевой звездой — сложной и удивительной.

— Похоже, эти крестопалпы забыли, как должна выглядеть их паутина, — задумчиво сказала Китти.

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

